

Андрей Бычков

ГуллиВер
и его
любовь

Андрей Бычков

П-ц постмодернизму

«Автор»

Бычков А.

П-ц постмодернизму / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-28670-2

«...и стал подклеивать другой, что-то там про байдарку, но все вместе, подставленное одно к другому, получалось довольно нелепо, если не сказать – дико, разные ритмы, разные скорости и краски, второй образ более дробный, узкий и выплывающий, а первый – про женщину – статичный, объемный, и на фоне второго, несмотря на свою стереоскопичность, все же слишком громоздкий.».

ISBN 978-5-457-28670-2

© Бычков А.

© Автор

Андрей Бычков

Пиздец постмодернизму

*«...но Добчинский поспешит со всех ног:
„Боже! Да ведь Рим только и ждал меня, а
я именно и родился, чтобы сжечь Рим:
смотри публика, и запоминай мое имя“*

В. Розанов

...и он всю историю похерил и стал что-то там подклеивать, какой-то другой отрывок про женщину, которая должна была бы в этой новой его истории не читать. Грудь женщины почти касались земли, она собирала ягоды и думала, что ее никто не видит, в зеленых листьях земляника, каплями то тут, то там, она (женщина) сняла лифчик, чтобы немного позагорать, погреть соски, и вдруг увидела ягоды. А он спокойно рассматривал ее через листву. Широкие, очень широкие бедра в длинной чесучевой юбке, округлые плечи, белое тело с загарным вырезом под шеей, она обирала ягоды своими грубоватыми крупными пальцами, быстро, умело клала себе в рот. Она была совсем рядом с ним, и, если бы он шевельнул хотя бы веткой, то она, конечно же, заметила бы его и, может быть, даже и закричала...

Но он почему-то похерил и этот отрывок, и стал подклеивать другой, что-то там про байдарку, но все вместе, подставленное одно к другому, получалось довольно нелепо, если не сказать – дико, разные ритмы, разные скорости и краски, второй образ более дробный, узкий и выплывающий, а первый – про женщину – статичный, объемный, и на фоне второго, несмотря на свою стереоскопичность, все же слишком громоздкий. И из всего этого не следовало далее ничего, не рождалось никакой новой неожиданной истории. И в голове у него уже не было никакого восторга, а только сумятица, тупая, бестолковая каша, да временами появляющаяся злобная мысль: "А на фига это вообще надо – писать? Корчиться в муках? И не печатают ни хера, и денег, блин, никаких..." Уныло он послонялся по квартире, поел, попил, покурил, долго сидел в туалете, слушая, как за спиной по трубе пролетает чье-то говно, почему-то подумал о Боге, потом о чистоте этой своей мысли, что вот Ему не все ли равно, как и где пребывать, а ведь таким должно было бы быть и искусство, давно утерянная сакральность, да и он сам когда-то себя уверял, что в этом мире бушующей постмодернистской попсы он будет оставаться спокоен... Проклятье!

"Проклятый постмодернизм, – продолжал думать он, подходя к этой чертовой библиотеке, – Ленка эта ставит там что-то все из себя, на сцену меня не пускает, ты, мол, не классик. А кто классик? Пригов этот, блин, что ли классик? Концепт этот гребаный, ну выехали ребята на "совке", ну обкакали соцреализм, а дальше-то что? Нуль..." Так он и шел в этих своих мыслишках, жевал и жевал одно и то же. И тут вдруг Пригова этого самого литератора и увидел. "Стоило, мля, только о тебе подумать, как ты тут, как тут". А этот, значит-ца, господинчик Пригов тоже в библиотеку спешит (его же вечер-то как никак). Ну, наш герой догоняет его, подобострастно здоровается, как лучший друг, здрасте, мол, Дмитрий Александрович, как ваши языки говорения поживают? Как ваши такие-сякие замысленные-незамысленные способы коммуникаций? много ли приносят доходу? А сам про себя думает: "Хоть бы ты, гад, сдох поскорее со своим этим мудацким концептуализмом". Так рот сам и раскрывается: "Освободи, сука, дорогу. Не словесня, бля, а Бог. Писать кровью, как сказано у Ницше..." Ну а тот нашему герою в ответ, доброжелательно так через интеллигентские очки – здрасте, здрасте, простите, забыл, как вас зовут, ну кака успехи? а я, вот, вчера вернулся из Гамбурга, немцы дали стипендию еще... И давай о своем Гамбурге, да о себе, да о своем Гамбурге, да о себе, да о сваем гамбургире, да о сибее... И какой он знаменитый на весь мир, да на все времена гениальный. А наш герой про свой восторг внезапный державинский, что ум пленил,

да что в унитаэ спустить пришлось, с грустью вспомнил. И тут им вроде как улицу переходить пора, и зеленый-то, блин, человечек замигал, замигал, мол, скоро погасну, погасну. А Пригов: "Ну, что Андрей Георгиевич..." "Станиславович", – наш герой его поправляет. "Кх-х, мда-с, Станиславович, переходим?" А наш герой: "А как же, Дмитрий Александрович, пословица – выиграешь минутку, а потеряешь жизнь?" А тот: "Да это все языки говорения. А мы-то в реальности успем". И пошел-с. Ну в смысле Пригов Дмитрий Александрович пошел-с. А тут-то уже красный человечек, красный, да-с. А наш герой хотел было его, Пригова, за рукав прихватить, куда же вы, мол, задавят, да и не успел. Тягач тут, такой тягочище вылетает из-за угла прямо, гудит, кабина высокая тупая, и в Пригова в этого бедного бампером – бац!.. Девка какая-то завизжала рядом, сумкой с яблоками закрылась, ента вот разбитая приговская голова, на треснувшем очке глаз повисший, неестественно вывернутая спина... "Кровищи-то, у-уу". – продудел рядом какой-то усатый. Отвернувшись, Станиславович стал медленно проталкиваться сквозь набегавшую, да наседавшую друг на друга толпу. "Какие-то нечеловеческие лица, – с ужасом озирался Станиславович на тех, кто лез и лез, лишь бы увидеть эту чужую смерть. – Не люди, а жуки какие-то. Давильня..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.